

СОЦИАЛЬНАЯ ПСИХОЛОГИЯ

УДК 159.9.072.422:316.77+316.613.43+81'23

ПРОБЛЕМА АГРЕССИВНОГО ПОВЕДЕНИЯ ЛИЧНОСТИ В ГУМАНИТАРНОМ ДИСКУРСЕ: ОСНОВНЫЕ ПОДХОДЫ, ПОНЯТИЯ И ДЕФИНИЦИИ

А.А. Романов¹, А.П. Костяев²

^{1,2}Тверской государственной университет, г. Тверь

Предлагается краткий анализ основных подходов к исследованию вербального агрессивного поведения личности. Рассматриваются основные подходы к анализу агрессивного поведения личности в психологии, лингвопсихологии и психолингвистике.

Ключевые слова: агрессия, вербальная агрессия, агрессивное поведение, агрессивный дискурс, аффект, вербальный конфликт, инвективная агрессия, инвективная коммуникация, инвектива, инвектология, оскорбление.

Проблема проявления агрессивности в виде агрессивного – как вербального, так и невербального – поведения, контроля, сдерживания и предотвращения агрессии всегда, по заверению психологов, социологов, лингвистов, криминологов и антропологов, обладала высоким уровнем актуальности. Однако особую популярность и внимание со стороны исследователей и общественности эта проблема приобрела в эпоху социальных перемен, связанных не только с развитием НТР, но и рядом явлений социальной истории нашего общества последних десятилетий XX и начала XXI в., к числу которых можно отнести значительный рост различных видов преступности, распространение терроризма, вооруженные региональные конфликты, мировой экономической кризис и т. п., способствующие в немалой степени значительной актуализации данной проблематики в гуманитаристике – юриспруденции, криминологии, психологии, эргономике, лингвистике, философии, журналистике, социологии, антропологии.

Поэтому сегодня решение этой важной теоретической и общественной задачи целесообразно искать в широком междисциплинарном (лингвистическом, психологическом, социологическом и философском) контексте, выходя за рамки традиционных подходов, обычно сводящих понятие агрессивности к проблемам преступности, частного межличностного или межгруппового насилия и т. п. По существу, предлагаемая попытка решения данной проблемы представляет собой естественную предпосылку разработки и практической реализации интерактивной модели стратегии и тактики ненасильственной жизни,

взаимоотношения людей как в частных «сценариях» реальной жизни, так и в сфере конкретной производственной деятельности.

Современный гуманитарный научный дискурс, посвященный проблемам агрессивного поведения, предлагает множество самых разнообразных определений этого феномена: от формальных критериев целостного определения самого понятия «агрессия» в психологии и социологии до родственных и близких в лингвистическом плане понятий «вербальная агрессия», «инвективная агрессия», «аффективные эмоции» [ср.: 6; 10; 14; 25; 25; 26; 27–29; 35] и т. п.

Не вдаваясь на данном этапе описания в подробности указанных терминологических различий, можно только констатировать, что единственное положение, в котором сходятся практически многие исследователи проблемы агрессивного поведения, сводится к тому, что указанное понятие «не имеет никакого общепринятого определения» [ср., например: 1–4; 15; 23; 24; 32].

В этой связи особый интерес представляет анализ предпринятых попыток в исследовании феномена вербальной агрессии как эмоциогенного явления в том виде, в котором этот феномен используется в естественном языке: от речеактовых инвективных проявлений до речевой агрессии как особой разновидности дискурсивной системы речевых жанров (ср.: 5, с. 189, 213, 217; см. также: 6; 9; 11–13; 15; 16; 18; 21; 23; 26; 28; 31; 33; 36).

Не случайно такое направление в исследованиях вербальной агрессии предопределило в гуманитарном дискурсе выделение особой области - *маледиктологии*, сводимой в широком смысле главным образом к изучению *инвективной коммуникации*, сущность и функциональное предназначение которой заключается в описании условий применения стратегий принижения статуса другого человека и выражения отрицательных эмоций по отношению к собеседнику (подробнее о содержании и функциональном наполнении термина и таких его признаках, как конфликтогенность, инвектогенность, эмоциогенность, см.: [9; 11–13; 14; 17; 19; 20; 25; 22; 34; 35]).

Однако следует отметить, что в работах, посвященных проблемам агрессивного поведения субъекта в гуманитарном дискурсе, в частности, в психологии, социологии, философии, где проблема комплексного агрессивного поведения рассматривается значительно шире, чем в парадигме инвективной коммуникации, большинство исследователей сходятся в том, что в общих чертах агрессия как явление представляет собой такую форму вербального или физического поведения субъекта, которая направлена на причинение вреда или ущерба другому живому существу, имеющему все основания не подвергаться такому воздействию и избегать подобного обращения (см.: 1–3; 4; 6; 11; 13; 15; 20; 21; 24; 25; 27; 30).

Очевидно, что такой *общий и широкий подход к трактовке агрессивности* как феномену социокоммуникативного пространства (т. е. пространства жизненных сценариев) говорящей личности, выступающей одновременно в роли субъекта определенного действия/действий и когнитивного агента, предоставляет возможность исследователям внести некоторые уточнения в ряд дополнительных параметров, которые способны помочь комплексному описанию данного феномена в проявляющихся агрессивных поведенческих актах, характеризующих их реализацию с позиции (всегда) обязательного целенаправленного, умышленного действия/воздействия, нацеленного исключительно на причинение вреда партнеру по социальному взаимодействию.

Из рассмотренных выше положений напрашивается основной вывод о том, что агрессия как форма поведения говорящего субъекта прямо или косвенно направлена только на причинение вреда живым объектам, связанным между собой определёнными социальными отношениями. Из этих положений также можно заключить, что вред наносится, в конечном счете, только именно им, т. е. только тем живым существам/объектам, которые представлены как участники коммуникативного взаимодействия в роли адресата. Говоря другими словами, круг агрессивного воздействия суживается только до одного из конкретных собеседников и не затрагивает других участников социального взаимодействия, например автора агрессивного воздействия или находящихся рядом в локальных пределах коммуникативного взаимодействия или по месту профессиональной деятельности. Наконец, получается, что адресат агрессивного воздействия практически всегда выступает только в качестве жертвы агрессии, независимо от того, пассивно или активно он противодействует агрессору [ср.: 1; 23; 24]. Из этого также нельзя не заключить, что какую бы форму взаимодействия ни избрал адресат в сфере своего жизненного (социального) пространства, теоретически он всегда будет (или должен) находиться в «ожидании» агрессивного воздействия и, что при этом немаловажно, конкретная форма агрессивного воздействия практически будет обуславливаться конкретным характером проявления агрессивности. Иначе говоря, агрессия всегда будет иметь (приобретать) конкретную форму (в том числе и вербальную) по отношению к конкретному адресату как объекту воздействия.

Становится очевидным, что в предлагаемых подходах к исследованию агрессивного поведения в рамках гуманитарного дискурса как в отечественной, так и зарубежной научной литературе последних десяти–пятнадцати лет вербальная агрессия подразумевалась как одна из разновидностей такого поведения, но как самостоятельный

объект анализа практически не выделялась. В контексте вышесказанного назрела необходимость *выделить вербальный аспект агрессивной дискурсии* как совокупности естественно-языковых практик (или форм речевого агрессивного поведения) говорящего субъекта *в самостоятельный объект комплексного описания* и попытаться при этом развести социокоммуникативные [«живое социальное общение», по 5, с. 210–217], психолингвистические и лингвопсихологические (эмотивные, эмоциогенные, конфликтогенные, инвективногенные), коммуникативно-пра-гматические (обусловленные взаимодействием говорящих субъектов в перечне сценариев их жизненных пространств) и чисто лингвистические (лексические) аспекты вербального поведения говорящей личности, чтобы точнее описать и уяснить механизм комплексного воздействия вербальной агрессии на участников коммуникативного процесса.

Действительно, несмотря на взаимосвязь перечисленных аспектов (компонентов) в структуре вербального поведения говорящей личности, абсолютизация какого-то одного из них способна привести к ошибочному истолкованию поведения участников социальной коммуникации. В таком случае оказывается крайне сложно провести грань между дискурсивным проявлением обычного (т. е. присущего только индивидуальным характеристикам, например темпераменту, говорящей личности) *резонерства, дерзости, эпатажности, необдуманного бахвальства* или преднамеренной агрессии в виде *язвительной оценки, сомнительного комплимента, оскорбления* и т. п.

В этой связи приходится с неизбежностью констатировать, что, несмотря на широту понятийного объема таких терминов, как «речевая агрессия», «вербальная агрессия», «словесная агрессия», «инвективная коммуникация», достаточно активно используемых как в отечественной, так и в зарубежной научной литературе, конкретно феномен *вербальной агрессии как объект изучения современного дискурсоведения* (а также речеведения, дискурсологии) до сих пор остается малоисследованным. Особенно это касается отечественных и зарубежных исследований данного феномена *в сфере профессиональной коммуникации*, в которой вербальная агрессия в виде определенного (речеактового, типового или жанрового) дискурсивного пространства в рамках конкретных производственных отношений практически не получила своего освещения. Также следует признать характерным и то, что в действительности *ни одна из существующих научных концепций* в психологии, биологии, этнографии, философии, социологии (этологическая, бихевиористическая, фрустрационная, психоаналитическая), пытающихся найти объяснение природы человеческой агрессии, *не рассматривает вербальные проявления агрессии как самостоятельный предмет научного анализа.*

Поэтому уместно еще раз подчеркнуть, что на современном этапе описания агрессивного поведения в части определения характера проявлений конкретных форм агрессивности исследователи опираются на различные точки зрения и различные исходные посылы. Примечательно, что в современной гуманитаристике – в первую очередь это относится к исследованиям в области социальной психологии, социологии, этнографии, философии, криминалистике – описание агрессивности рассматривается с различных методологических подходов, теоретических посылок, мировоззренческих установок и исследовательских парадигм, нередко дополняя и обогащая друг друга. В частности, можно констатировать, что в пространстве проанализированного психологического научного дискурса достаточно широкое распространение получили несколько теорий и направлений. Например, достаточно широкое распространение получила популярная *теория инстинкта*, рассматривающая агрессивное поведение с этологических позиций как неотъемлемое (ингерентное) свойство всех бытующих живых существ, которое реализуется ими в борьбе за жизнь в широком понимании [подробный анализ и обзор литературы см., например: 4; 24; 32]. В свою очередь, не менее популярная *теория побуждения* подразумевает, что для осуществления агрессивного поведения необходим внешний стимул любого порядка (бихевиористическая позиция в психологии и языкознании) – от вербального (словесной угрозы, например) до физической демонстрации насилия в виде побоев или показа инструментов пытки.

Напротив, известная *теория смещенной агрессии* опирается на посыл того, что для реализации агрессии необходимо выбрать заведомо безобидный объект, который не сможет адекватно ответить, что всегда расширяет рамки агрессии, проецируя ее вовне: например, если вас обидит более сильный или статусный человек, то значительно проще отыграться на тех, кто слабее вас, чем вступать с ним в борьбу. Иначе говоря, в процессе коммуникативного взаимодействия реализуется модель трансформации порожденных антагонизмом феноменов оценочности, неприятия, отрицания и негативных эмоций в уважение, принятие, понимание и т. п., т. е. фактически предлагается реализация модели «совладающего поведения (coping behavior)» [подробнее о такой модели поведения см.: 2; 5–8; 20; 36].

Также заслуживает внимания популярная *когнитивная (познавательная) теория*, которая предполагает наличие своего рода когнитивно-аффективного маховика как своеобразной разновидности кольцеобразной модели В. Франкла с методом парадоксальных интенций и «обратных желаний» [подробнее анализ и литературу по этому вопросу см.: 20]. В этом случае характер интерпретации

человеком чьих - либо действий оказывает решающее влияние на его эмоции и поведение. Однако, как отмечается, такого рода реакции ведут, в основном, к смещению целого ряда познавательных процессов. Например, если кто-либо сочтет, что прохожий умышленно обрызгал вашу автомашину какой-то жидкостью, то это возмутит владельца и он будет впредь настороженно относиться ко всем действиям прохожих. Более того, вероятно, что тогда владелец автомашины заметит немало провоцирующего в поведении прохожих и, не желая оставаться в долгу, тоже совершит (или будет готов совершить) агрессивный поступок.

Теория *социального научения*, получившая также широкое распространение и поддержку, рассматривает агрессивное поведение как совокупность ранее усвоенных моделей поведения. Например, в раннем детстве ребенок в песочнице усваивает, что в драке со сверстниками куда легче добиться соблюдения своих прав, а то и навязать им свои правила игры. Подросток после просмотра фильма обращает внимание, что нарочито грубый тон офицера, раздающего приказания, помог решить важную боевую задачу. Теории социального научения рассматривают агрессивное поведение как реакцию на соответствующую социальную обстановку. Теоретические посылки подразумевают, что изменение социальных условий автоматически меняет и характер агрессивного поведения, возможно устраняя его целиком [подробнее о подходах и направлениях см.: 2; 3; 15; 16; 18; 21; 25; 26; 36].

Иная картина наблюдается в *лингвистике*, где подход к интерпретации феномена агрессивности сводится главным образом к описанию семантического и прагматического характера класса инвективной лексики, употребляемой с намерением оскорбить лицо или группу лиц. К классу инвективной лексики относятся прежде всего слова и словосочетания, употребление которых при общении нарушает нормы морали (главным образом это обценная лексика, матерные слова). Нередко их называют нецензурными, непечатными словами, а в обиходе они именуется заборными, площадными словами. При этом подчеркивается, что *инвективная лексика* представляет собой *особый функциональный разряд слов*. Иначе говоря, акцентируется внимание на том, что именно сами по себе слова не могут быть инвективными, но они становятся таковыми только при их употреблении с определенной целью (ср. известное выражение: *Нет плохих слов, есть плохие люди*).

Несмотря на то, что в лингвистике исследованию инвективных (а также инвектогенных, содержащих инвективное значение) единиц посвящено значительное число работ, тем не менее, четкого критерия лингвистической инвективы не создано и в большинстве случаев исследователи этой сферы языка работают по умолчанию, сознательно

не ограничивая себя расплывчатыми определениями [см.: 9; 12–14; 25; 27; 28; 29].

Тем не менее было установлено, что *инвективы* занимают достаточно определенное место в языке любой лингвокультурной общности, и поэтому их языковедческий анализ объективно необходим, если необходимо в полной мере исследовать сам язык общества [5; 9; 10; 11; 12–14; 25; 27–29]. Больше того, исследователи предлагают по меньшей мере три разных подхода к дефиниции лингвистического феномена инвективы.

Так, *первый подход* характеризуется *отождествлением инвективы с ругательством*, которое рассматривается как закрепленный в языковом узусе знак, *имеющий табуированный характер* (т. е. лежит за пределами нормативного языка и носит преимущественно устный характер), и устойчивые стилистические маркеры, такие, как «вульгарность», «брань», «презрение» [12].

Второй подход рассматривает *инвективу* как любое (обыденное и даже нейтральное) слово, употребленное с целью нанесения оскорбления адресату. В языковой системе это слово зафиксировано как «потенциальная инвектива», т. е. оно ингерентно содержит в своем лексическом значении *критические характеристики человека* [см., например: 6; 25]. С этой точки зрения в разряд инвективных единиц могут попадать практически любые слова, которые в силу своей пейоративной семантики могут потенциально (т. е. даже не будучи высказанными) оскорбить адресата. Фактически инвектива признается единицей речи, а не языка. Но в таком случае к инвективам можно причислить любое, даже самое безобидное слово, которое может (потенциально) оскорбить того или иного человека.

Третий подход под инвективой признает *оскорбительное слово в наиболее резкой форме, ругательства в функции оскорбления* [30, с. 11]. Такую точку зрения можно встретить в работах одного из авторитетнейших исследователей этой области – В.И. Жельвиса, согласно которому оскорбление – лишь одна из функций ругательств. Исследователь признает наличие двух принципиальных трактовок термина «инвектива». «В узком смысле инвектива представляется как способ существования словесной агрессии, воспринимаемый в данной социальной группе как резкий и табуированный... Инвектива – это вербальное нарушение этического табу, осуществленное не кодифицированными средствами. В широком смысле инвектива – любое словесно выраженное проявление агрессивного отношения к оппоненту» [12; 13, с. 13; 14].

Справедливости ради следует подчеркнуть, что первые исследования отечественных и зарубежных инвектологов стали появляться в конце 70-х начале – 80-х гг. прошлого века. В этом ряду

особое место занимают работы известных немецких языковедов Р. Амана и Ф. Кинера, которых по праву считают основателями современной *маледиктологии как науки о вербальной агрессии*. В частности, Ф. Кинер посвящает свои исследования инвективной коммуникации, сущность и назначение которой, по его мнению, заключается в принижении статуса другого человека и выражении к нему отрицательных эмоций. Исследователь указывает на ее связь с понятиями катарсиса и агрессивности, что роднит его подход с рядом психоаналитических концепций «эмоционально-образной терапии» [см. подробнее: 20, с. 69–71].

Среди отечественных лингвистов, занимающихся проблемами инвектологии, в первую очередь следует назвать работы В.И. Жельвиса, В.М. Мокиенко, И.А. Стернина, С.Г. Воркачева, Н.Д. Голева, в которых доказывается и экспериментально подтверждается возможность намеренного инвективного речевого воздействия на слушающего как адресата.

Исследование инвективной лексики в современной отечественной и зарубежной лингвистике ведется по следующим направлениям:

1. Лингвистический и лингвокультурологический анализ языковых и речевых единиц, занимающих определенное положение в системе языка и выполняющих определенные прагматические функции [12–14; 27; 28; 29; 30].

2. Психолингвистический анализ ругательства как очевидного психологического «удара» по индивиду: определение природы и основных признаков вербальной агрессии, выявление психологических причин брани, установление взаимосвязи между физической и вербальной агрессией, а также определение взаимоотношений интенций инвектанта (автора инвективы) и реакций объекта оскорбления [13, а также: 5; 6; 30; 33].

3. Социолингвистический анализ ругательств, рассматриваемых в качестве определенных социальных маркеров, характерных для того или иного социолекта [17; 19; 25; 27; 28].

4. Гендерный анализ ругательства, рассматриваемых в качестве важнейших характеристик речи представителей того или иного пола (Стернин, 1999; 2000), и средств выражения отношения к представителям своего/противоположного пола [19; 25; 33].

В основном выделяют четыре группы базовых критериев для определения лингвистического статуса инвективной лексики, а именно:

1) парадигматические (наличие у слов стилистических маркеров «бренный», «грубый», «вульгарный», «презрительный»);

2) функциональные (ругательства определяются как агрессивные, гневные восклицания и эмоциональные междометья);

3) семантические (слова, которые обозначают в грубой форме сексуальные действия, половые органы и фекалии и, следовательно, по этой причине могут быть названы ругательствами) и культурологические признаки (ругательствами называются слова-табу, обозначающие сакральные понятия – *дьявол, черт, сатана* и т. п.).

Очевидно, что если рассматривать инвективы под обозначенным выше ракурсом, то можно подвести под понятие «инвектива» («инвективная единица», «инвективная лексема») *любое грубое, вульгарное, не кодифицированное, табуированное обозначение человека с оценочной семантикой*, которое, будучи высказанным в определенной словесной форме с соответствующим значением, может наносить оскорбление объекту номинации, обозначения и оценки, т. е. конкретному адресату или считаться (оцениваться и интерпретироваться) им как таковые. Но, по всей вероятности, инвектива обладает не только перечисленными характеристиками. Совершенно ясно, что такой подход к определению инвективных единиц не только сужает само понятие инвективы и ее функциональное предназначение, но и ограничивает поле деятельности (коммуникативную сферу применения) этих единиц (в том числе и выражений) лишь отдельными речевыми актами *оскорбления* в тех или иных его проявлениях.

Таким образом, чтобы ответить на вопрос: что собой представляет вербальная агрессия и каково её функциональное поле, необходимо уяснить механизм её порождения и проявления её дискурсивных форм в условиях коммуникативного взаимодействия, а также точнее определить объем понятия самой инвектогенной единицы – *инвективы*. Немаловажно и то, что следует попытаться ответить на вопрос: сводится ли вербальная агрессия только к выражению инвективы как комплексного представителя класса коммуникативных агрессивных единиц (лексем, выражений, наименований, эмоциональных откликов и др.) или за этим понятием стоит что-то иное?

Поэтому в качестве первоочередной задачи возникает необходимость разработать структуру коммуникативного акта вербальной (инвективной) агрессии, включающей в себя не только факты отдельных эмотивных проявлений инвективного использования конкретных лексем и выражений в виде отдельных дискурсивных деструктивных практик *сквернословия, оскорбления, ругани, обзывания*, но и условия, эмоциональную специфику и – в качестве обязательного компонента – последствия реализации дискурсивных актов вербальной агрессии в социальной коммуникации (т. е. в виде

посткоммуникативного, результирующего эффекта), которые способны оказывать влияние на отношения между участниками и поведение в целом каждого из них в различных сферах своей профессиональной деятельности.

Список литературы

1. Бек А., Фримен А. Когнитивная психотерапия расстройств личности: пер с англ. М.: Пресс АСТ, 1998. 343 с.
2. Берковец Л. Агрессия: причины, последствия и контроль. СПб.: Прайм - ЕВРОЗНАК, 2002. 512 с.
3. Бэрон Р., Ричардсон Д. Агрессия. СПб.: Питер, 1997. 352 с.
4. Вилюнас В.К. Психология эмоциональных явлений. М.: Изд-во Моск. ун-та, 1976. 142 с.
5. Воронцова Т.А. Речевая агрессия: Вторжение в коммуникативное пространство. Ижевск: Изд. дом «Удмуртский университет», 2006. 252 с.
6. Выготский Л.С. Учение об эмоциях // Собр. соч.: в 6 т. М., 1984. Т. 6. С. 92–317.
7. Галкина–Федорук Е.М. Об экспрессивности и эмоциональности в языке // Сб. ст. по языкознанию: Проф. Московского ун-та В.В. Виноградову в день его 60-летия. М.: Изд-во МГУ, 1958. С. 103–124.
8. Голев Н.Д. «Герой капиталистического труда» – оскорбительно ли это звание? // Юрислингвистика-1: Проблемы и перспективы. Барнаул: Изд-во Алтайск. ун-та, 1999. С. 126–142.
9. Долинин К.А. Стилистика французского языка. Л.: Просвещение, 1978. 344 с.
10. Енина Л.В. Речевая агрессия и речевая толерантность в средствах массовой информации // Российская пресса в поликультурном обществе: толерантность и мультикультурализм как ориентиры профессионального поведения. М.: НИК, 2002. С. 104–110.
11. Жельвис В.И. Поле брани. Сквернословие как социальная проблема в языках и культурах мира. 2-е изд. М.: Ладомир, 2001. 349 с.
12. Жельвис В.И. Инвективная агрессия в ряду эмотивных средств // Социальная психоллингвистика: хрестоматия. М.: Лабиринт, 2007. С. 278–322.
13. Изард К. Э. Эмоции человека. М.: Изд-во МГУ, 1980. 552 с.
14. Изард К.Э. Психология эмоций. СПб.: Питер, 1999. 464 с.
15. Иомдин Б.Л. Словарная статья слова РУГАТЬ // Семиотика и информатика. М.: ИНИОН, 1991. Вып. 32. С. 90–93.
16. Костяев А.П., Романова Л.А. Уровни фреймовой организации коммуникативного взаимодействия инвективной направленности //

- Вестн. Ленинград. гос. ун-та им. А.С. Пушкина. Сер. «Филология». 2010. Т.1., № 2. С. 209–216.
17. Красавский Н.А. Эмоциональная концептосфера немецкого языка (этимологический анализ базисных номинатов эмоций) // Языковая личность: проблемы креативной семантики. Волгоград: Перемена, 2000. С. 65–72.
 18. Линде Н.Д. Коррекция эмоциональной зависимости с помощью метода эмоционально-образной терапии // Вопросы психологии. 2007. № 5. С. 170–179.
 19. Люсин Д.В. Эмпирический анализ категоризации эмоций // Вопросы психологии. 1999. № 2. С. 50–60.
 20. Матурана У., Варела Ф. Дерево познания. Биологические корни человеческого понимания. М.: Гнозис, 2001. 324 с.
 21. Мокиенко В.М. Русская бранная лексика: цензурное нецензурное // Русистика – Russistik. – 1994. Bd. 1–2. S. 16–18.
 22. Пальчун Г.П. Предложения с предикатами аффекта: автореф. дис. канд. ... филол. наук. Л., 1984. 18 с.
 23. Пилецкий С.Г. Феномен человеческой агрессивности // Вопросы философии. 2008. № 10. С. 50–65.
 24. Римап Ф. Основные формы страха. Исследование в области глубинной психологии: пер. с нем. М.: Алетейа, 1999. 336 с.
 25. Романов А.А. Лингвоэкологический подход к профилактике вербальной агрессии в профессиональной среде // Психология управления в современной России: Теория, эмпирические исследования, практика: материалы Междунар. науч.-практ. конф. М.: Ин-т психологии РАН, 2010. С. 78 – 85.
 26. Романов А.А., Романова Л.А., Костяев А.П. Дискурс вербальной агрессии как объект лингвистики и лингвopsихологии // Языковой дискурс в социальной практике: Сб. науч. тр. 10-й Междунар. науч. конф. Тверь: ТвГУ, 2010. С. 219–226.
 27. Седов К.Ф. Речевая агрессия и агрессивность как черта речевого портрета // Социальная психолингвистика: хрестоматия. М.: Лабиринт, 2007. С. 250–277.
 28. Седов К.Ф. Жанровая компетенция личности и эмоции // Язык и эмоции: Номинативные и коммуникативные аспекты: сб. науч. тр. Волгоград: Волгоградск. науч. изд-во, 2009. С. 119–130.
 29. Седов К.Ф. Агрессия как вид речевого воздействия // Прямая и непрямая коммуникация. Саратов: «Колледж», 2003. С. 112–120.
 30. Стернин И.А. Введение в речевое воздействие. Воронеж: Изд-во ВГУ, 2001. 252 с.
 31. Сухих С.А., Хандамова Э.Ф. Категория аффекта в письменном дискурсе // *Ars linguistica*: К 75-летию профессора И.П. Сусова / отв. ред. проф. А.А. Романов. М.; Тверь: ИЯ РАН, ТвГУ, 2002. С. 60–65.

32. Чесноков И.И. Мечь как эмоциональный поведенческий концепт (опыт когнитивно-коммуникативного описания в контексте русской лингвокультуры): автореф. дис. ... д-ра филол. наук. Волгоград, 2009. 47 с.
33. Шарифуллин Б.Я. Общечная лексика: терминологические заметки // Речевое общение: Вестн. Рос. риторической ассоциации. Красноярск, 2000. С. 219–229.
34. Шаховский В.И. Категоризация эмоций в лексико-семантической системе языка. Воронеж: ВГУ, 1987. 190 с.
35. Шаховский В.И. Лингвистическая теория эмоций. М.: Гнозис, 2008. 416 с.
36. Щербина Ю.В. Вербальная агрессия. М.: КомКнига, 2006. 360 с.

THE PROBLEM OF VERBAL AGGRESSION IN HUMANITARY DISCOURSE: DEFINITIONS, CONCEPTS AND APPROACHES

A.A. Romanov¹, A.P. Kostjaev²

^{1,2}Tver State University, Tver

The article offers a brief analysis of the main approaches to the investigations of the aggressive verbal behavior of a person. The author discusses the main points in the analysis of aggressive behavior in psychology, linguo-psychology and psycho-linguistics.

Keywords: *affect, affective action, verbal aggression, verbal conflict, destructive speech act, invective, communication, invective, invective intendment, emotion, emotive.*

Об авторах:

РОМАНОВ Алексей Аркадьевич – доктор филологических наук, профессор кафедры общего и классического языкознания ГОУ ВПО «Тверской государственной университет» (170100, г. Тверь, ул. Желябова, 33), e-mail: abtgsha@dep.tver.ru

КОСТЯЕВ Алексей Петрович – кандидат филологических наук, докторант, доцент кафедры теории языка и межкультурных коммуникаций ГОУ ВПО «Тверской государственной университет» (170100, г. Тверь, ул. Желябова, 33), e-mail: abtgsha@dep.tver.ru